

T
O
N
Y

КУЛЬТ ПРАХА

L
O
N
K

16+

Tony Lonk
Культ праха

«Автор»

2020

Lonk T.

Культ праха / Т. Lonk — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-89585-0

Руди любил Аврору. Руди потерял Аврору. Храня преданность возлюбленной, он отправляется в путешествие её мечты — к северным землям Лальдируфф. Оказавшись в западне беспощадного края, Руди примыкает к девяти странникам, вечно блуждающим в поисках своего дома. В пути их ждёт опасность, борьба друг с другом, взаимодействие с необыкновенными представителями местных поселений, оккультные ритуалы и новые открытия, которые несут для них условную пользу. Невероятное путешествие стало символом непережитой скорби человека, который потерялся в собственной жизни.

ISBN 978-5-532-89585-0

© Lonk T., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Продающие надежды	6
Глава 2. Предающие надежды	8
Глава 3. Предпоследняя капля	10
Глава 4. Первое странствие	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Tony Lonk

Культ праха

Посвящается тому, кто честен, но обманут.

Глава 1. Продающие надежды

– Нет, – грустно произнёс Вилли по кличке Бык, – ты водишь меня за нос, дружище. Любви не существует. Её просто нет, а нас так нагло обманывают тысячи лет. И ты сейчас меня гнусно обманываешь, слащавый гадёныш. Зачем тебе это нужно?

Бык был жалок. Опасный верзила, сколько бы им не было выпито, всегда держал лицо и не говорил лишнего. Бык справедливо считался самым буйным и непредсказуемым компаньоном из всей команды судна «Джуди», курсирующего в коварных северных водах. Рудольфу было хорошо известно об этом. Он не раз оказывался свидетелем поражающих его болезненную восприимчивость безнравственных картин, которые в прежние времена не марали красивое полотно благополучной жизни, доставшейся ему по наследству. Вечерами он прятался в своей крошечной каюте, прислушиваясь к звукам, не предвещающим ничего хорошего. Хозяин экспедиции до смерти боялся тех, за чьё подчинение было хорошо заплачено.

Невольно оказавшись лицом к лицу с Быком, Рудольф впал в глухое отчаяние. За всё время нелёгкого пути из раза в раз ему казалось, что отчаяние его вот-вот прикончит, но как выяснилось, тяжкие испытания послужили для него хорошим уроком, который он усвоил слишком поздно. Жуткое состояние свело на нет все чувства и реакции, в результате чего Рудольф даже не заметил, как сел с Быком за один стол, разделяя с ним отвратительное пойло – самое святое, что было у команды. Случайно обнаружив, что грозный Бык на самом деле просто Вилли – такой же человек, как и все, Рудольф впервые забыл о сожалении, признавая своеобразную пользу от противоречивой связи с моряками, которые походили скорее на пиратов, чем на обычных работяг.

– Нас никто не любит, – продолжал Вилли, – мы никого не любим. Мы и самих себя не любим. Любви нет – есть нелюбовь. Она повсюду. Это самое честное чувство из всех, которыми нас наградил Господь.

Вот была у меня одна дама. Красивая, знаешь, пышная – так бы и съел... и зря не попробовал. Так вот, она говорила мне, что любит, представляешь, любит меня! Ради неё я бросил семейное дело, оставив отца с братьями без помощи. Пошёл на китобойный промысел. С первых выходов на большую воду работал усерднее всех в команде. Терпел презрение корабельной плесени – людей, чьи славные времена остались в далёком прошлом. Не знал отдыха и покоя. Терпел, терпел и снова терпел. Думал, что найду, заберу, добыюсь, выгрызу всё, что ей нужно. Мечтал, что рядом со мной она будет счастлива, понимая, что у неё ни в чем не будет нужды. Да... такое дело.

– Для неё этого оказалось недостаточно? – спросил Рудольф.

– Нет, – раздражённо ответил Вилли, – она сказала, что не может любить меня – убийцу существ, более разумных, чем я сам. Представляешь?! Нигде таких баб нет, а я отыскал на свою голову! И где та любовь, из-за которой ты так трясёшься?! А ведь я был готов отдать за неё свою жизнь.

– Значит, ты её любил.

– Я не любил. Я ошибался. Мой выбор слишком дорого мне обошёлся. Без меня, отец и братья вскоре пошли на дно. Сначала на суше, а затем – на большой воде. Взбалмошная красotka сгубила четыре жизни.

– Как её звали? – по непонятным для себя самому причинам заинтересовался Рудольф.

– Джуди.

– Это всё объясняет. Теперь я согласен – ты её и вправду не любил.

– Не любил. Ошибался. В первый и последний раз.

Едва договорив, Вилли свалился на пол. Не изменяя своей коронной привычке, он тихо уснул, наверняка отправляясь на очередное свидание с нелюбимой Джуди, поселившейся в

его сердце, душе и красочных сновидениях, где всё складывалось для него прекраснейшим образом.

Рудольф было задумался над словами грозного верзилы с маленьким разбитым сердцем, но в его душе не было отклика на претенциозное предположение вечного моряка, который за всю свою жизнь задержался на суше в единственное время, когда питался молоком матери. Он дал себе слово, что никогда больше не станет кривить душой, отвергая то, что неудобно или страшно принять.

На короткий миг Рудольф превратился в Руди. Он вспомнил свою любимую. Руди трепетно хранил память обо всём, что было связано с ней. Каждый день этой странной экспедиции он прокручивал в своей голове один из их последних разговоров.

«Когда всё закончится, мы уплывём с тобой к северным землям Лальдируфф и совершим большое путешествие к моей мечте. Да, сначала исполнится моя мечта, а затем и твоя. Всё справедливо, Руди. Я это заслужила уже сегодня.

Сейчас я здесь и с тобой, но мне так хочется быть там. Услышать голос земли. Быть далеко от всего этого кошмара. Ожидание невыносимо. Остаться – смерти подобно. Лучше устало бродить там, в недружелюбном холоде, чем здесь – в лицемерном пекле».

– Она врала, – невнятно пробурчал Вилли.

– Кто? – испугался Рудольф.

– Баба. Моя баба, будь она неладна. А ты, дурак, носишься с этой дурацкой вазой. Столько денег потратил ради бестолковой любви.

– Не ваза, а урна, – сурово поправил Рудольф, – и это мои деньги! Вам ли не всё равно, за что вы получаете неоправданно завышенную плату?!

Вилли по кличке Бык едва ли не впервые в жизни испытал слабое чувство вины.

– Что с ней случилось? – спросил он, не подымаясь с пола.

– Её убили.

– Всё же лучше, чем мне. Она хотя бы не сказала тебе, что есть твари умнее тебя и не обманывала, когда говорила, что любит. Наверное. Ты – счастливчик, дружище.

– Сам себе завидую, – печально произнёс Рудольф, после чего поспешил исчезнуть.

Войдя в свою каюту, Рудольф осторожно достал то, ради чего ему пришлось отважиться на этот сумасшедший поступок. Урна с прахом его любимой Авроры вызывала в нём чувства любви, горечи и даже зависимости, а у команды судна «Джуди» – ехидные насмешки.

Весь этот путь был ради неё. Рудольф не пожалел всего, что имел ради того, чтобы прах Авроры был развеян на Севере. Она должна была навсегда остаться на землях Лальдируфф, где истинный голос земли будет вечно петь самую грустную в мире песню, оплакивая её гибель.

Теперь любовь доставляла Рудольфу нечеловеческие страдания, но всё же он от неё не отказывался, как в свое время это сделал Вилли и тот человек из прежней жизни, которого Руди презирал больше всех на свете. Любовь убила Руди. Он умер вместе с Авророй 26 мая 1994 года.

Никто из команды «Джуди» даже не подозревал, что выпало на долю человека, над которым они так грязно потешались с самого первого дня. Знай они правду, вряд ли что-то изменилось бы. Они не имели ни малейшего представления о другой жизни и в той, другой жизни для них не нашлось бы достойного места. Им было неизвестно, что где-то совсем недалеко могут так просто убить того, кто умнее самого сильного. Что в случае, когда один человек пытается сделать нечто поистине важное для миллионов, ему обязательно вынесут приговор – чаще всего смертный. Что в случае, когда ради интереса одного человека страдают миллионы, такому человеку открываются все дороги – чаще всего к власти. Члены команды «Джуди» были счастливы в своем неведении.

Глава 2. Предающие надежды

– Просыпайся, шеф! – противно прокричал Крыса.

Он был как всегда пьян и невыносим, но даже этот мерзкий мужик никогда не вторгался в каюту Рудольфа так рано и так нагло.

– Что случилось?! – испугался Рудольф.

– Бык зовёт тебя на серьёзный разговор и как можно скорее. Торопись! Это нужно тебе, а не нам.

Первое, о чём подумал Рудольф, вызвало в нём счастье и страх одновременно. Предполагалось, что они прибыли к цели. «Оказывается, путь не так долог. Наглые морды явно завысили цену своих услуг, но чёрт с ними! Наконец-то я отмучился!», – подумал он. Вслед за этим наступило оцепенение. С момента принятия решения и за все дни с начала курса судна «Джуди» по северным водам, он ни разу не думал над тем, что будет делать, как только окажется на землях Лальдируфф. Его договорённости с командой «Джуди» были весьма сомнительными, и только сейчас он понял, что его необыкновенное желание слишком ограничено простыми человеческими обстоятельствами. Но всё же он смог совершить то, на что никогда до этого не был способен.

Неоднозначная радость продлилась недолго. Подойдя к Быку, первым делом, Рудольф посмотрел вокруг. Перед ним открылась привычная картина – вокруг судна был всё тот же океан. Тот же холод, тот же цвет, тот же запах и те же звуки. Но самым неприятным оказалось вовсе не однообразие окружающего пространства, означающее крах маленькой надежды. Перед ним вновь стоял тот же Бык. В нём не было того ранимого Вилли, с которым можно было нормально поговорить.

– Посмотри туда, – неохотно произнёс Бык, показывая трясущейся рукой вперед, – там Лальдируфф.

– Я вижу только океан и горизонт.

– Правильно, а вот за самим горизонтом земли Лальдируфф. Мы свою работу выполнили. Через два часа отправляемся обратно.

– Нет! – закричал Рудольф, – мы так не договаривались!

– Мы договаривались, что я покажу тебе, где находятся земли Лальдируфф, предоставлю своё судно, соберу команду, и мы пройдем по нужному маршруту. Я всё выполнил.

– Но мы не на месте!

– Моя малышка «Джуди» не сможет добраться туда, куда ты так глупо рвёшься. Мы уже сейчас далеко зашли. Опасность под нами и вокруг нас. Твоя блажь слишком дорого стоит. Даже я столько не возьму. Так что иди, доставай свой кувшин и бросай его за борт. Какая ей разница? Мёртвая – значит, мёртвая. Ей всё равно. Нас всех не спеши хоронить.

– Ты обманул меня!

– Обманул и сделаю это снова. Я обманывал, обманываю, и буду обманывать всех без исключения. Когда требуется, я и самого себя обманываю. С огромным удовольствием. Все уважаемые люди обманывают. Тебе никто не мешал обмануть меня сильнее.

– Хватит!

Отчаянное положение сводило Рудольфа с ума. Больше он не мог себя сдерживать. Его тело начало самопроизвольно дёргаться, а сам он впал в состояние, похожее на детскую истерику.

– Мальчик, этот позор будешь демонстрировать, сидя на коленях у своего папочки, – издевательски продолжал Бык, – не всё в этой жизни будет так, как тебе хочется. Твой папаша не настолько богат. Успокойся и займись делом!

– Я этого так не оставлю! – не унимался Рудольф, – Это будет последнее путешествие твоей малышки «Джуди»! Ты горько пожалеешь о своей ошибке, когда лишишься всего! От меня ты не получишь ни копейки и то немного, что ты сумел собрать для себя, обманом, шантажом и манипуляциями, с тебя вытрясут нужные люди! То, что ты у меня уже взял и успел потратить, тебе придётся отработать, но уже на моих условиях! Только на моих условиях!

Бык слушал угрозы спокойно и уверенно. И всё же, что-то его явно напрягало, поскольку он не добивал своего противника фирменной насмешкой. В словах Рудольфа крылись сила и смысл. Бык прекрасно понимал, что «слабак» способен на многое, если у него есть нужное намерение и влиятельный отец. Но такие как Бык не сдаются. Рудольф провоцировал его, не осознавая возможные риски. Только после того, как Бык ударил его по голове, до Рудольфа дошло, что во время одностороннего конфликта он повёл себя крайне неосторожно, но уже ничего не мог с этим поделать. Озарение было кратковременным. Тяжёлая рука Быка выбила из него и без того непрочное сознание.

Очнувшись, он не поверил своим глазам. Быка, Крысы и вообще всего зверинца из команды «Джуди» не было рядом. Разбойничье судно исчезло за обозримыми пределами вокруг. Поверженного Рудольфа бросили на большой дрейфующей льдине, не забыв оставить рядом с ним его вещи и несколько порций сюрстрёмминга. Бык полагал, что нет ничего хуже голодной смерти, и от себя дал, как ему казалось, всё необходимое для того, чтобы «жидкая опцовская сопля» мог этого избежать.

Осознав своё положение, Рудольф начал судорожно перебирать всё, что валялось небрежно сброшенное в одну кучу. Напоследок, он должен был отыскать главное среди ненужного. К счастью, урна нашлась. Обречённому на смерть не оставалось ничего иного, кроме как признать, что совсем скоро он присоединится к своей милой Авроре и вместе они найдут свой вечный покой где-то недалеко от Лальдируфф.

Прижав урну крепко к груди, Руди лежал, под покровом когда-то ценных для него вещей и пытался уснуть, надеясь, что уже никогда не проснётся. Желанный сон был близко, но ненавистные воспоминания удерживали Руди в бодрствовании.

«Они убили тебя», – обращался он к образу любимой, – «они лишили тебя праздника, но я не мог позволить им лишить тебя мечты. Прости, что у меня не получилось. Все старания были напрасны. Только теперь я понимаю тебя. Жаль, что так поздно».

Ему казалось, что образ Авроры вышел из его грёз и образовался рядом с ним в реальности. Он видел её тёмный силуэт, склонившийся над его оцепеневшим от холода и смертельного ужаса телом, слышал тихий, ещё незабытый, голос, чувствовал нежные прикосновения, по которым так скучал. Волшебным образом она помогла ему уснуть.

Глава 3. Предпоследняя капля

В полночной темноте очнись,
Опомнись и спаси лишь тех,
Чьи души борются за жизнь,
Против самих себя.

Расчисти небо для светил,
Больших и малых.
Для тех, чей путь закрыт, –
Открой им свет Луны.
Их мир найдётся сразу же,
Мир воспоминаний небывалых.
Дойдя туда, восторжествует каждый, кто забыт.
Я буду там. Раба мечтаний малых.

Аврора казалась такой реальной и близкой. Разрываясь между двумя условиями, Руди усомнился в том, где же была правда. Желаемое условие – появление Авроры. Он почти поверил, что её гибель и его ужасное путешествие к Северу – это самый изощёренный и затяжной ночной кошмар, который подходил к концу. Но время обличает любые иллюзии, не давая правды, а меняя само отношение к неправде. Одна секунда может обрушить годы кропотливого созидания, что уж говорить о скромной горстке неоправданных надежд. Действительное условие доказывало ему подлинную степень его положения единственным неоспоримым фактом – ничего не менялось.

Её голос постепенно утих, тёмный силуэт растворился во мраке, а переживаемое им чувство бесконечного падения резко сменилось отчётливым ощущением прочной поверхности, чудовищно холодной и неприятной для его тела. С Авророй ушла прекрасная ложь, прихватив за собой остатки чистого разума Руди.

Когда Руди отважился открыть взор на новую реальность, в первые мгновения ему пришлось выдержать болезненный натиск света. Свыкшись с новыми условиями видения, он стал рассматривать то, что напоследок давала ему жестокая судьба. Первыми показались сливающиеся в большое тёмное пятно, а затем стихийно расплзающиеся вокруг него силуэты необычайно высоких и странно одетых людей. Их лица, вынырывающие из сумрака, казались абсолютно одинаковыми. Незнакомцы бесцеремонно распоряжались его вещами, но он всё ещё не мог отдавать себе отчёта в том, что вообще происходило у него перед глазами и на какие ещё неприятности он может рассчитывать в будущем. Один из них заметил, как Руди наблюдал за их действиями, но всё так же беззастенчиво продолжал перебирать вещи. Именно он нашёл урну. Гордясь своими зоркими глазами, он радостно отдал урну главному среди них.

– Не трогайте! Эта вещь не представляет никакой ценности для вас! Оставьте её! – как мог, кричал Руди.

Разумно предполагая, что северные аборигены, разговаривающие на своём языке, его не поняли, он хотел броситься на великанов с боем, но у него не нашлось сил даже пошевелиться. Его тело крепко сковал холод.

– Для нас ценно то, что находится внутри этого сосуда, – степенно ответил тот самый – главный из них.

– Вы понимаете мою речь? – ужаснулся Руди.

– Мы все говорим на одном языке, если в этом есть необходимость. Не путай нас с дикарями, одним из которых являешься ты сам. Мы – дети Великого Духа Альель. Каждый из нас и есть Альель. Мы ведаем о прошлом, настоящем и знаем то, чему только суждено появиться – все возможные варианты и те, которые определённо образуются в будущем для развития необратимых событий и процессов.

– Мне это ни о чём не говорит.

– Не смей проявлять дерзость по отношению к Гальягуду! – гневно произнёс самый суровый из них.

Пытаясь отстоять великую честь главного, самый суровый из них схватил Руди за грудки и стал угрожающе смотреть в глаза схваченной им будущей жертве. Он не предпринимал никаких действий, однако, с явным нетерпением ждал нужного ему приказа Гальягуда. Всем своим естеством он показывал решительную готовность выбить из Руди скудные остатки жизни. Это был самый злой из самых злых людей, с которыми Руди сталкивался в своей жизни, с самыми злыми глазами и очевидно самыми злыми намерениями. В беглом сравнении, которое он мог себе позволить, Бык и мутная команда судна «Джуди» казались самыми добрыми и отзывчивыми представителями северных широт. Он не видел другого выхода, кроме как сдаться явно великой силе и позволить самому злому человеку выбить из него те действительно скудные остатки жизни, на которые тот так охотно посягал. Почувяв слабость и смирение своей жертвы, злой человек разъярённо встряхнул Руди, очевидно рассердившись на то, что слабое и обречённое существо не имело намерения хоть как-то ему сопротивляться.

– Оставь несчастного, Вугго, – приказал Гальягуд, – мы не в обиде на него.

Вугго не посмел ослушаться Гальягуда, хотя внутренне он не понимал и не принимал его решения. Злой человек отпустил Руди и ушёл к своим – наверное, таким же безжалостным варварам, которым, к счастью, до Руди не было дела. А вот Гальягуд всё ещё стоял рядом, и это едва ли предвещало что-то хорошее. Склонившись над Руди, он произнёс:

– Мы покидаем тебя, не отнимая честь, с которой ты пришёл на наши земли. Ещё немного и Альель вознаградит твоё терпение. Смерть будет тебе в радость. Ты прошёл достойный путь. Всё было не напрасно. Благодарим тебя за твой подарок – он бесценен. Её мы ждали сотни лет.

– Зачем?

– Тебе не нужно знать.

Не прощаясь, Гальягуд оставил его. Все они бодро направились к своим спасительным одеждам. Это были огромные купола, обтянутые шкурами диких неведомых зверей, надевая которые незнакомцы прятались от опасностей Севера. Снаружи были только их головы, причудливо вынырывающие сверху. Эти странные и смешные одежды были их отличительным атрибутом среди народов Лальдируфф, надёжной защитой от холода и нападений врага, которого они так ни разу и не повстречали, их единственной личной вещью и домом.

Гальягуд торжественно нёс бесценный подарок Руди. Рядом с ним шёл тот, кто отыскал урну. Ему полагалось поощрение за находку, и он обрёл новый статус в их сакральном обществе – его слово стало весомым. Теперь он мог говорить всё и всегда быть услышанным.

– Почему мы бросили его умирать? – спросил он Гальягуда, впервые пользуясь своим правом.

– В нём почти не осталось жизни. Он принадлежит смерти, – ответил Гальягуд.

– Я видел в его глазах тот блеск, которого нет у умирающего человека.

– Ты ошибся, Уллиграссор.

Почувяв перспективы новых возможностей, Уллиграссор решился на протест, не сомневаясь в верности собственного убеждения.

– А если я не ошибся? Он – посланник, отдавший нам этот великий подарок, которым и сам немало дорожил. Бросив его на верную, и, возможно, несвоевременную гибель, мы

осквернили тот дар, без которого нам не обойтись на пути к нашему счастью. Своим низким поступком мы доказали, что не достойны возвращения.

– Это решит Альель, – сурово произнёс Гальягуд, явно сожалея, что Уллиграссор обрёл силу собственного слова.

Остальные из необыкновенной группы шли следом, внимательно слушая неприятный для них разговор. Все они, а особенно Вугго, поддерживали Гальягуда и были очень злы на Уллиграссора. Это не означало, что они поддерживали Гальягуда. Им требовалось время, чтобы привыкнуть к мнению Уллиграссора, как и вообще ко всему, что он скажет в будущем. Они понимали, что и Гальягуд, и Уллиграссор одинаково правы, и это стало серьёзным препятствием в самом начале их торжественного пути. Их противоборствующие истины не позволяли им двигаться дальше.

– Альель должен решить его судьбу прямо сейчас, – предложил Уллиграссор.

– Это невозможно, – сказал Вугго.

– Не делись с нами придуманными тобою ограничениями, Вугго! – не выдержал Силгур – самый мудрый из них, – Уллиграссор прав. Мы определили участь этого дикаря, хотя такие решения на землях Лальдируфф принимает только Альель.

– Мы и есть Альель! – сопротивлялся Вугго.

– Вугго, не говори то, о чём вскоре пожалеешь, – вмешался Муниард – тот, который находил компромисс даже там, где компромиссу не было места, – мы всего лишь дети Альель. Ты готов посягнуть на силу и власть Отца?

Почувствовав силу сопротивления достойных оппонентов, Вугго попытался затормозить накал обычной для себя неудержимой ярости. Он не мог тягаться с мудростью и знаниями Силгура и Муниарда. Как бы не старался Вугго, природная ярость оказалась сильнее верного осознания.

– Как верный сын Альель, я несу его волю! Моё желание – это его желание!

– Прости Вугго, но ты – самый глупый ребёнок Альель, – безжалостно нападал на гордыню Вугго мудрый Силгур, – не гневи его! Мы сейчас находимся недалеко от места, где может всё свершиться. Я готов отнести дикаря туда и предать его суду Отца.

– Мы все пойдём, – решил Гальягуд.

Предстоящее дело требовало от них чёткого разделения. Пятеро оставили свои тяжёлые одежды, освобождая место для будущей ноши. Вугго взял с собой Сларгарта и вдвоём они отправились к ближайшим территориям, где обитали звери. Гальягуд, Вуррн, Мигурнок и Рарон взяли на себя груз чужих куполов и пошли к месту Альель, а Уллиграссор Силгур и Муниард вернулись обратно, чтобы забрать Руди.

– Позвольте мне поговорить с ним, – обратился к остальным Уллиграссор.

Силгур молча остановил Муниарда и одобрительно кивнул.

Руди всё ещё оставался в сознании, обречённо и умоляюще глядя в бескрайнюю даль. Он нуждался в тепле и облегчении. Подойдя к нему, Уллиграссор присел рядом. Его добродушный взгляд и приятная улыбка вызвали у Руди чувство доверия, которое было скорее отчаянным, чем честным.

– Скажи мне своё имя, – попросил Уллиграссор.

– Рудольф... Руди... просто Руди.

– Я пришёл за тобой.

– Кто ты?

– Уллиграссор. Ты – мой друг. Не бойся меня.

– В местах, откуда я родом, так быстро друзей не заводят, – с опаской произнёс Руди.

– Пока ты здесь и пока мы рядом, я – твой друг, – обезоруживающе приветливо ответил Уллиграссор, – и ты будешь моим другом.

– Пока я здесь...

– Прости нас, Руди. Мы очень устали. До этого дня мы скитались, не выходя за пределы бесконечных страданий. Воины истины. Охранники вечных знаний. Странники пустоты. Нам очень тяжело. Я не спал с тех времён, когда всё было хорошо. Кажется, я никогда не спал.

- Нам всем не мешало бы отдохнуть.
- Не сейчас. Силгур и Муниард отнесут тебя к нашему Отцу.
- Зачем? – удивился Руди, – я умираю...
- Не нам определять час твоей смерти. Всё решит Альель.
- Он справедлив, – сказал Муниард.
- И милостив, если на то его воля, – сказал Силгур.
- Пускай решает, – сдался Руди.

В середине пути сумрак растворил их образы в Сизой пустоши Лальдируфф. Одна из загадок этого места заключалась в том, что ни одно живое существо, попавшее в пределы Сизой пустоши, не могло рассчитывать на собственные органы чувств. Густой сизый сумрак лишал зрения, застойный воздух блокировал возможности обоняния, а холод устранял все остальные ощущения. Каким бы острым не было природное чутьё, оно мгновенно терялось, словно его никогда и не было.

Силгур и Муниард шли уверенно, словно для них не было и не могло быть препятствий. Они несли Руди не как поверженного врага или пойманную добычу. К своей ноше Муниард, а особенно Силгур относились с глубоким почтением, но самым добрым и милосердным из них казался Уллиграссор. Он следовал за ними, так же бесстрашно и уверенно.

- Что со мной будет? – спросил Руди.
- Ты пройдёшь испытание предпоследней капли, – ответил Муниард.
- Великое действие, – добавил Силгур.
- Я слишком слаб для испытаний, – возразил Руди.
- Именно это испытание даст тебе то, в чём ты нуждаешься, – утешал Уллиграссор, – как обычный дикарь, ты не знаешь о своей подлинной потребности, лишая себя возможности отыскать верный путь, дабы пройти его.
- Предпоследняя капля даст тебе новую силу и радость жизни, либо спокойную смерть, – пояснил Силгур.
- Обычная капля вынесет мне вердикт?
- Капля за каплей нас наполняет жизнь и сила, – сказал Муниард.
- Капля за каплей из нас уходит сила и жизнь, – сказал Силгур.
- По капле измеряются пределы наших внутренних ресурсов, терпения, возможностей, – сказал Уллиграссор.

– Последнюю каплю все живые существа считают самой страшной, – поведал Силгур, – последняя капля воды говорит нам о предстоящей жажде, иногда смертельной, и только когда жажда становится реальной угрозой, приходит осознание собственной глупости, ведь живое существо не сделало ничего, чтобы этого не случилось. Оно не сохраняло свой источник и не искало нового. Оно приспособилось. Оно доверило своё будущее тому, чего не знает. Это осознание страшное, но короткое, ибо мало кто принимает свои ошибки в расцвете жизни, а особенно – когда близится смерть.

Последней каплей воды не потушишь огонь, который может превратиться в угрозу ужасного пожара, испепеляющего всё на своем пути. Это удел диких людей. Вашими руками появляется огонь. Вашими делами торжествует разрушение. Но без помощи природы и того, что создано не вами, вы не сможете созидать новое или бороться с разрухой, разрастающейся при содействии вами подобных. Но не всегда эта помощь будет вам доступна. Иногда природа уступает вашему разрушению и не позволяет вам его предотвратить, чтобы вы смогли получить

только то, что устроили себе сами. Природа осознанно несёт вечную жертву, но это не означает, что она не может карать.

Последняя капля терпения рушит личную власть человека над собственной жизнью и всем тем, что в ней происходит. За пределы терпения выходит тот, кто больше не в силах справиться с самим собой. Выходя туда, мало кто может вернуться обратно. Остаётся только путь бесконечного сожаления. Каждый выбирает своё направление. Кто-то сожалеет о том, что столкнулся с непреодолимым барьером. Кто-то сожалеет о связи с людьми, причастными к его страданиям. Кто-то сожалеет о том, что потратил все свои силы на терпение. Существует масса вариантов, которые не несут в себе истины. А кто вообще по-честному нуждается в истине?

Считается, что последняя капля – палач. Все знают, но почти никто не признал, что последняя капля приносит божественное облегчение от тяжести, оставляемой её предшественницами. Последняя капля даёт определенность того, что вот-вот должно произойти. Она дарует свободу, которой важно уметь правильно распорядиться. Всё это предопределено судьбой, но превращено в заблуждение человеком.

– Альель поведал нам великую силу предпоследней капли, – продолжил Муниард, – в момент, когда настёт очередь упасть предпоследней капле, принимается роковое решение, что же будет дальше. Последняя капля – проводник к неизбежному.

– Ничего не понял, – сказал Руди.

– Предпоследняя капля обостряет до предела чувства страха, отчаяния, беспомощности. Она – невыносимость. В ней находится вся тяжесть пережитого ранее: всего того, что казалось лёгким и простым, но на самом деле ломало хрупкую природу существа. Но никто не знает, что за этой каплей будет последняя, дарующая облегчение. Каждый, переживая пытку ужаса, думает о том, сколько ещё придётся ждать, терпеть, находиться в смирении. Предпоследняя капля не оставляет человеку выбора. Этот миг определяет, что будет дальше и будет ли вообще что-либо.

– Я не хочу этого, – живо отреагировал Руди.

– Благо, для этого не требуется твоё желание, – ответил Силгур.

Остаток пути к месту Альель они прошли, не проронив ни слова. Слишком много было сказано до этого. «Лучше бы я ничего не знал», – думал Руди, пугаясь собственных фантазий, навеянных рассказами Силгура и Муниарда. Уллиграссор видел его страдания, вызванные страхом перед неизвестностью, но не смог придумать, как ему помочь, поэтому оставил всё как есть, делая вид, что ничего не замечает.

Преодолев Сизую пустошь, а затем череду нелёгких подъёмов и крутых спусков по Плачущим склонам, великаны остановились, словно им требовалось восполнить силы для чего-то сверхважного. Внезапная перемена, остановившая их стремительное движение к цели, встревожила Руди, который не знал, что их путь близился к концу. Вдали уже виднелись купола. «Лучше бы это был не конец... или... лучше бы это был конец», – окончательно запутался Руди.

Гальягуд и Вуррн неспешно готовились к сакральному действию. Мигурнок перебирал свои тайные снадобья, создавая питьё, которое предназначалось для Руди. За время ожидания он успел отдельно смешать некоторые экстракты для личного пользования вопреки запрету Гальягуда. Тот всегда ругал Мигурнока за создание зелья, усыпляющего разум. Соблазну хотя бы ненадолго слиться с пустотой, в которой проявлялось прекрасное забытьё, поддавались все, кроме Рарона и Вугго, презирающего Мигурнока за предоставленную им возможность и самого себя – за слабость, ибо несколько раз и он сам уходил туда, откуда не хотел возвращаться. Гальягуд гневался и просил для Мигурнока наказания свыше, ведь он был вынужден соревноваться за влияние над всеми ними с короткими иллюзиями, вызывающими непреодолимую зависимость.

В этот раз Гальягуд даровал ему своё прощение. Общие интересы принуждали их к примирению. Мигурнок постарался как никогда. Радость долгожданного обретения вдохновила его на создание чёрного, как смола, питья – небывалого по своей силе. Внутри себя, он сожалел, что не мог даже попробовать то, чем так гордился.

Рарон сидел у тающего ледника и как всегда молчал. Он никогда не говорил и не слушал. Таков был его удел.

Последними к месту Альель пришли Вугго и Сларгарт. На своих могучих плечах Вугго принёс тушу убитого им прекрасного оленя – самого сильного из всех, которые водились в тех краях. Без этой жертвы испытание предпоследней капли было невозможным.

Ещё тёплую тушу оленя Вугго дерзко сбросил с себя около небольшого тающего ледника. На тушу Силгур аккуратно положил Руди. Остальные выбрали для себя особые места и сели вокруг жертвенника, приготовив свои бубны.

Извлекая звуки из бубнов, они оживляли свои помыслы, взывали о помощи свыше и уходили в покой, который удерживал их сущность вне жизни и смерти ровно столько времени, сколько позволял Альель. Великий Отец их не баловал, но и не давал им обижаться на него за проявляемую им неумолимую строгость.

Положение Руди превзошло худшие из его фантазий: от туши убитого оленя невыносимо воняло, на его лоб капали те самые капли – холодные, резкие и острые, словно копыя, в затылке и спине ощущалось неприятное блуждание тепла, выходящего из туши. Добрый Уллиграссор, вместе с остальными недобрыми и совсем злыми великанами, молча, без сожаления и сострадания созерцали за его муками. Их безучастность сводила Руди с ума, но он ошибся. В нужное время Мигурнок дал ему то самое питьё. Солёное на вкус, это питьё вызвало пугающее онемение сначала в языке, а затем и во всём теле. Окончательно теряя контроль над собой, он буквально поверил и всецело ощутил, как превращается в горстку праха, которую вот-вот развеет по всему Северу холодный и беспощадный ветер.

В должный час великаны стали бить в свои бубны. Каждому из них принадлежал собственный ритм, а их бубны имели завораживающие и неповторимые голоса.

Уллиграссор звучал быстро и резко.

Муниард отличался тихим ритмом и спокойным звуком.

Вугго бил безжалостно и свирепо.

Сларгарт бил в такт Вугго, но делал это вполсилы.

Силгур тихо бил дважды, затем шёл один громкий удар, за ним следовала пауза, а потом ещё один тихий и два очень громких удара.

Мигурнок бил размеренно и неопределённо, но его бубен звучал красивее всех.

Вуррн издавал самый сложный, неведомый ранее слуху ритм, поистине спутывающий сознание. Голос его бубна был самым низким и глубоким. От его ударов у Руди подчас оставалось сердце.

Гальягуд бил в свой бубен сразу же после удара Рарона.

Рарон бил в свой бубен, как только на лоб Руди падала капля. Это были самые громкие удары из всех. Рарон и его бубен доставляли Руди неопишемую муку, которая в разы превосходила страдания, вызываемые каплями, смрадом и неприятным теплом.

Одномоментно рухнуло то, что считалось незыблемым. Мысли, словно конструкции из спичек, ломались, разлетались, загорались, тем самым уничтожая смысл, которого, казалось, не было и не могло быть. Руди охватил ужас от потери контроля над собственным сознанием. Это был внутренний мятеж против самого себя. Рарон вызвал у Руди безумие. С первых ударов, именно его бубен изгонял здравый рассудок.

Пик мучений приближался стремительно и должен был вот-вот его окончательно уничтожить, как вдруг, в преддверии многострадального конца, очевидно после упавшей на него

предпоследней капли, Руди провалился в давящую тьму. Согласно привычным убеждениям, это была сама смерть.

Тьма не была бесконечной. Невольно избежав смерти, Руди очнулся в окружении ослепляющего света. Этот свет был невыносим, ужасен и ненавистен ему. Руди лежал в небольшой, на первый взгляд пустой комнате, но в этой комнате происходило самое важное – то, что он поклялся никогда не забывать.

Он смотрел на белый потолок, затем нечто ужасное заставило его взгляд отчаянно метаться, в поисках необходимого. Ярко зелёный тазик находился на месте. Это был предмет первой необходимости и символ поражения. Насмешка судьбы оказалась как никогда жестокой – для человека, обладающего сверхблагополучием и властью, обычный дешёвый тазик оказался самым верным спутником жалкого остатка жизни.

Вечная тошнота выступила в роли безжалостного итога всего, что прожито и как прожито до этого. Ведь почему-то всё сложилось именно так. Попытки отыскать причину поражения могли бы увенчаться успехом, не несущим в себе ни малейшей пользы. Нетрудно найти массу причин и оснований, но с их появлением, как и прежде, не будет уверенного и безоговорочного, единого и нерушимого доказательства того, что среди них есть та самая – необходимая причина. Приняв своё поражение, сломленный человек понимает, что всё, кроме этой тошноты являлось неустойчивой и лишённой однозначного смысла условностью. И только светло зелёный тазик останется последней неоспоримой ценностью. В нём ненадолго задержатся остатки внутреннего мира того, кому он принадлежит. В отвратительном сиянии белых стен и потолка, ярко зелёный цвет снова и снова даст крошечную надежду на несправедливо короткое мгновение облегчения.

Руди узнал эту комнату. Он хорошо помнил и тазик, который не раз держал в своих руках. Правда, в его памяти символом того ужасного времени остался тазик жёлтого цвета – не такой красивый и не такой маленький.

Давящая тьма подбросила его в период детства. Всё происходящее с ним, много лет назад случилось с его мамой. Это было место, где она в страшных муках доживала свои дни. Последний раз он виделся с ней за две недели до её смерти. Тогда она попросила его подойти ближе и немного постоять у окна – так ей было удобнее его рассмотреть. Потом Руди не мог забыть те жуткие, совершенно чужие, глаза. Она никогда не была такой. Казалось, что Руди уже был ей не настолько важен и совсем нелюбим. С этой обидой он никак не мог расстаться. Неосознанное предчувствие потери заставило его по-своему обороняться. Оставшиеся две недели он ничего о ней не слышал и принципиально не спрашивал у старших, но Руди прекрасно помнил, что светло зелёный тазик появился в день, когда она умерла.

Боль потери, державшая Руди за горло несколько десятков лет, смешалась с физической болью его матери. Ничего подобного, к его счастью, ему не приходилось испытывать прежде. Руди ждал, когда же, наконец, упадёт последняя капля терпения, за которой следовало заслуженное освобождение от мук. Положение, в которое он угодил не по своей воле, было невыносимым и буквально сводило его с ума. Боль во всём теле не становилась сильнее, но с каждой секундой мука терпения убивала всё, что оставалось при нём, начиная с надежды. И как только пределы его возможностей были повержены, обессиленный Руди провалился во тьму облегчения.

Обретение свободы от материнской боли, ставшей частью его жизни, не являлось завершением испытания Руди. Повелевающие им силы бросили его в эпицентр большого праздника, который он не так давно пропустил. Перед ним представляли радостные лица, вынырывающие из мрака ему навстречу. Вокруг царила атмосфера восхищения – многие, если не все, пребывали в томительном предвкушении долгожданного события. Пространство сотрясал гул сотен голосов и щёлканья фотоаппаратов. Вспышки, одна ярче другой, создавали космическое ощущение звёздного мерцания на пути к триумфу. Он чувствовал себя легко, и только предчув-

ствие чего-то славного, приятно щекотало его нервы. И когда это «славное» было уже близко, его глаза ослепила вспышка, вслед за которой жгучая боль стремительно расплзлась по всей его спине. Затем наступила тьма.

Вспышка, и он снова вернулся в сознание. Руди не мог ничего предпринять и только наблюдал, как над ним тревожно суетились врачи. За его жизнь боролись в единственной дряхлой на весь город карете скорой помощи. Этот эпизод пару раз показывали по телевизору. Вспышка, и он снова оказался во тьме, но ему не стало легче. Боль была совершенно иной.

Вспышка, и всё разлетелось вокруг. Дряхлая карета скорой помощи взорвалась по пути в клинику. Вспышка, и опять наступила тьма. Та самая тьма освобождения.

Из тьмы его выманил голос любимой Авроры. Она склонилась над ним, держа его левую руку.

– Мне плохо, – чуть слышно произнёс Руди, – очень плохо. Я больше не могу терпеть.

– Оставь терпение здесь, – ответила Аврора, – от него вся беда.

– Беда не в этом, – возразил Руди.

– Ты прав сынок, беда совершенно в другом, – сказала его мать, которую он не заметил сразу.

Мать стояла в стороне. Подойдя ближе, она тихо склонилась над ним, взяв его правую руку.

Вокруг царила благодатная тишина. Северные аборигены, устроившие Руди невыносимые муки, исчезли. Он лежал на чужой холодной земле, а рядом с ним находились лишь те, кого на самом деле уже не было. Несмотря ни на что, Руди испытывал выстраданное им счастье.

– Отдай мне свою боль, – просила Аврора.

– А мне отдай свою печаль, – просила мать.

Они крепко обняли его, а после подняли его ослабленное тело и перенесли за белый холм, где для него уже была вырыта глубокая яма. Бережно уложив Руди на уготованное ему место, Аврора и мать поднялись, превратившись в две громадные тёмные фигуры, закрывающие его от внешнего мира.

– Мы спасём тебя, Руди. Ты будешь спрятан здесь навечно, и только мы будем знать, где тебя найти. Я всегда буду рядом, как и мать твоя. Вдвоём мы будем стеречь твой покой. Позволь нам это.

Горсть за горстью они бросали на него землю. Руди не мог и не хотел сопротивляться. Глядя на мать и Аврору, он вспоминал все его мечты о них. Испытание подвело его к обретению того, чего Руди так сильно желал.

Исполнение желания, согласно неписанным правилам, не даёт гарантии удовлетворения человека желающего. Его угнетало понимание, что они будут рядом с ним, но сам он больше не сможет их видеть. За эту короткую встречу, он рассмотрел мать. Ему посчастливилось ощутить близость с ней. Черты её лица, её голос и тепло, за годы жизни без неё, в памяти Руди не удержались. Вместо них он берёт ту самую обиду, полагая, что тогда – в конце своей жизни, она от него отказалась. Ему не хотелось расставаться с тем, что он видел и чувствовал.

Как и было обещано, мать и Аврора спрятали Руди неизвестно где. Защита и покровительство двух главных женщин его жизни стали для него последним бесценным обретением. Всецело отдаваясь таинственному процессу, Руди не задумывался над наиболее важным моментом, о котором ни при каких обстоятельствах нельзя забывать. Ожидание, где бы оно не возникло: в реальности или сладкой мечте, не даёт никаких гарантий. Даже в мире грёз Руди начал задыхаться, находясь глубоко под землей. Ни мать, ни Аврора не предупредили его, что своими руками они забросили его в смертельную ловушку.

Скованный холодными тисками собственной могилы, Руди вновь принял ужасную муку, которая казалась ему последней. В этот раз умирал именно он. По иронии судьбы, Руди с детства боялся удушья. Очередная из избытка его фобий возникла после случая, когда он пода-

вился огромной долькой персика, которой не желал делиться со своей няней. Тогда у него хотя бы оставалась надежда на то, что эту дольку из него выбьют, и он продолжит свою праздную жизнь. Рядом с ним всегда была спасительная рука, достающая его из критических ситуаций. Руди располагал всем необходимым для праздной жизни до конца своих дней, но в один момент, он наотрез отказался от всего этого ради рокового приключения. В роковой час прежней спасительной руки уже не было, но возникли спасительные рога.

Холодная земля над Руди начала сотрясаться. Нечто огромное и агрессивное упорно раскапывало свежую насыпь. Не успев испугаться, Руди стремительно вынырнул из-под земли и оказался высоко над нею. Из могилы его достал тот самый жертвенный олень, убитый злым Вугго. Авроры и матери больше не было. Они исчезли, не сдержав обещания.

Полуживой и окончательно обезумевший Руди повис на громадных рогах. Олень-спаситель нёс его в сторону гигантского ледника. Там, поднимаясь всё выше и выше на пик величественного Роткруфтинга, олень рвался к необыкновенному северному сиянию. Впервые Руди увидел неопишемую прелесть. Зелёная дымка казалась такой близкой, что будь у него возможность шевелиться, он смог бы протянуть руку и прикоснуться к настоящему чуду.

Вверху, когда до северного сияния оставался последний рывок, в мрачном месте, где звук ледяного ветра о чём-то взывал к тому, кто его мог услышать, олень сбросил Руди с обрыва в чёрную бездну. Там, внизу, его ожидала гибель, но Руди уже было всё равно. Он испытывал перевозданное облегчение, сила которого познают избранные.

Именно в то мгновение он разгадал загадку предпоследней капли. Только тот, кто пережил подобное, понимал – всё ничтожно. Безвольный человек, следуя по жизни, он руководствовался тем, что загоняло его в губительную ловушку. Абсолютно все его знания и воспоминания, не имели смысла. Смысл чего-либо – самая большая иллюзия человека, изводящая его впустую. Свободное падение дало то самое счастливое ощущение внутренней чистоты и лёгкости.

Время безвозвратно остановилось. Утих внутренний голос Руди. Он был готов к смерти и принимал её с благодарностью. Казалось, руки смерти приняли его – он ощутил прикосновения к своему телу. Это была чья-то помощь, чьи-то надёжные объятия. Думая, что всё кончено, Руди предвкушал грядущее.

Ему не дали насладиться уходом. Вокруг буйно сотрясалась земля, пробуждая Руди из сладостного сна. Открыв глаза, первым делом, он увидел серебряный свет. Перед ним открывалась небывалая картина. Тёмные силуэты, обрамлённые сияющими бликами, окружили его и резво прыгали справа налево, причитая что-то невнятное, и при этом совершенно захватывающее. Тени маленьких человечков пребывали в мощном экстазе, дёргаясь от наслаждения. Изначально Руди не понимал смысла происходящего, но практически сразу же вспомнил, что смысла нет.

Внезапно, дикие пляски остановил страшный голос, приветствующий Руди. Тёмные силуэты застыли в поклонении.

– В чём моя сила? – спросил голос.

– Ни в чём, – ответил Руди, не сомневаясь, что вопрос был задан именно ему.

Услышав это, тёмные силуэты бросились на Руди, разрывая его между собой. Сливаясь в огромную тьму, они поглотили его полностью. Когда последний луч света угас в безнадежной тьме, Руди оказался на том месте, где всё началось.

Жертвенный олень под ним давно остыл и окоченел. Гальягуд, Вугго, Уллиграссор, Силгур, Мигурнок, Сларгарт, Вуррн, Муниард и Рарон больше не играли в свои бубны. Для Руди уже был готов его личный купол, над которым старательно трудился злобный Вугго. Мигурнок приготовил ему новое питьё, обладающее целительными свойствами мгновенного действия. Уллиграссор сидел рядом с Руди. Рарон ушёл в сторону, подальше от всех. Остальные всё это время грелись у костра и вели таинственную беседу.

Когда к Руди стали возвращаться силы, Гальягуд попросил всех оставить их двоих наедине. Он был суров, но Руди чувствовал, что Гальягуд не испытывал к нему зла.

– Мы держим путь домой, – объявил Гальягуд, – долгие месяцы нам придётся странствовать по священным землям Лальдируфф в поисках ориентиров, которые укажут нам, куда мы должны двигаться дальше. Ты – чужак и тебе неизвестно, что в Лальдируфф никто и ничто не стоит на месте. Нашего родного пристанища уже давно нет там, где оно находилось прежде. Впереди нас ждут трудности и испытания, ведь мы здесь не одни, но мы единственные дети Альель. Этот путь будет казаться вечным.

– Меня вы бросите? – спросил Руди.

– Ты свободен. Мы оставим тебя, если таково твоё желание. Альель принял тебя и мы должны принять тебя, как бы тяжело это не было для бедного Вугго. Испытание предпоследней каплей доказало, что ты сможешь дойти до конца. Сегодня мы отправимся в путь, и ты можешь уйти вместе с нами. Там и твой дом.

– Если я уйду с вами, мои родные меня не дождутся.

– Не дождётся тот, кто не ждёт.

Глава 4. Первое странствие

Их путь, как и предупреждал Гальягуд, выдался ужасно долгим. Странники не трогались с места, спокойно ожидая, пока двое из них – Вугго и Сларгарт, искали нужное направление. Отведённую им миссию хранителей и проводников, эти двое выполняли безукоризненно. Они отважно шли сквозь тьму, северные миражи и ловушки, чтобы потом не допустить ни малейшей опасности, угрожающей остальным. Практически животное чутьё позволяло им находить затерянные либо далеко сместившиеся дороги. Отыскав ориентир, они без промедлений разделяли свои дальнейшие обязанности. Сларгарт отправлялся к своим, дабы повести их за собой. Вслед за ним, странники и примкнувший к ним Руди обходили стороной тьму, северные миражи и ловушки. Вугго оставался на новом месте. Благодаря ему странников ожидал небольшой временный лагерь, где усталые после изнурительного перехода странники могли найти свой целительный покой и тепло. Для них тепло костра было одной из священных ценностей. Предвосхищая запросы прибывших, единственный охотник, Вугго добывал пропитание, и заготовленных им запасов должно было хватить до следующего привала. Несмотря на свой грозный и агрессивный нрав, именно Вугго заботился обо всех странниках, давая им защиту, кров, тепло, еду и вселяя в них надежду, что их дорога к дому с каждой новой остановкой становилась всё короче и короче.

Возвращения Сларгарта, иной раз, приходилось ждать неделями. Странники старались держаться вместе, но каждый из них был волен проводить отведённое время по-своему. Вдали от всех, неподвижно, отдаваясь сладостной власти своего напитка, лежал Мигурнок. Силгур и Муниард делились друг с другом знаниями о событиях, происходящих за пределами Лальди-руфф. Подчас из их уст раздавались страшные, несправедливые, чудовищные в своих подробностях истории, но ни Силгур, ни Муниард не разделяли ужаса и тревоги Руди, который старался подслушать всё, что те говорили. Гальягуд и Вуррн молча наблюдали за Уллиграссором. Уллиграссор, со слезами на глазах, остервенело чесал свои руки. Рарон сидел вместе со всеми, но его присутствия никто не ощущал.

На восьмой день их ожидания Руди впал в уныние. Этого не мог не заметить Уллиграссор, который всегда находился рядом, словно тень. Перемену в настроении Руди заметили все странники, но поговорить с ним пожелал один лишь Уллиграссор.

– Почему грустишь, друг? – спросил он.

– Я не могу тебе честно ответить, ведь и сам не знаю, в чём причина, – растерянно ответил Руди.

– Тогда вспомни, что именно позволило унынию поработить тебя?

– Мне стало плохо после того, как я начал подслушивать разговоры Муниарда и Силгура. Они ни в чём не виноваты. Муниард верно изложил суть происходящего там, где я жил. Силгур верно изложил суть того, чем я жил. Суть, которую я самонадеянно игнорировал. Тогда мне казалось, что я был прав, но сейчас ко мне пришло горькое осознание, что в том периоде зародилось моё самое большое заблуждение.

– Ты будешь прав при настоящем моменте, – успокаивал Уллиграссор, – вокруг тебя могут сменяться времена, обстоятельства, события и люди, но это будут именно те условия, которые наполнят твою правоту силой.

– Позволь узнать, дорогой Уллиграссор, – внезапно заговорил адепт вечного молчания Рарон, – сейчас ты так ловко вводишь в заблуждение этого человека, или самого себя?

Разразившись едким выпадом в их сторону, тем самым, осуждая один из любимейших принципов Уллиграссора, Рарон вновь погрузился в своё привычное состояние отрешённости. Уллиграссор не отвечал. У него были подходящие слова и убедительные доводы, объясняющие разумность избранной им позиции, но он знал, что Рарону нет никакого дела до его аргументов.

Его руки зачесались ещё сильнее. Уллиграссор вновь заплакал, но не из-за боли или пережитой обиды. Руди удивлённо наблюдал за тем, как слезинки капали на руки Уллиграссора и смешивались с кровью, которая сочилась из свежих разодранных участков его многострадальной кожи. Уллиграссор был абсолютно уверен, что так его раны заживали гораздо быстрее.

– Что с тобой? – спросил Руди.

– Моё вечное страдание, – ответил Уллиграссор.

– У других тоже так?

– Нет, у них всё хорошо.

– Тогда почему тебе так плохо?

– Мне не так уж и плохо, – возразил Уллиграссор, – и если для тебя всё то, что я переношу, кажется несносной мукой – это только лишь твоя беда.

– Но ты же сам сказал мне, что это – твоё вечное страдание!

– Я ошибся. Правда, иногда мне действительно бывает тяжело. Руки начинают невыносимо чесаться, если я ем недостаточно строганины. Вот сейчас мне явно недостаёт того, что имеется в моём скромном распоряжении. Вугго знает об этом и всё равно не заготавливает больше оленины и рыбы, чем обычно.

– Да, Вугго очень злой, – констатировал Руди, – но я помогу тебе. Бери четверть из моей доли.

– Ты уверен, что готов со мной поделиться? – оживлённо спросил Уллиграссор.

– Абсолютно. Не сомневаюсь, что смогу продержаться и без четверти этого, скажем так, неаппетитного куска. Я не привык к такой еде. Иногда мне проще голодать, чем есть. Не пропадать же добру.

Он отрезал чуть больше четверти предназначенной для его нужд оленины и положил жирный кусок в заранее протянутую Уллиграссором руку. Благодарность Уллиграссора возродила в Руди такую необходимую для него веру в то, что он не плохой человек. На время, уныние покинуло его. Оказалось, можно обрести радость, даруя её другому. Остальные странники не разделяли их приподнятого настроения, глядя на всё происходящее со спокойствием, и как показалось Руди, с огромным разочарованием. Но не только это его смущало.

Изо дня в день их оседлого ожидания нового пути, Руди недоумевал, глядя, как урна с прахом Авроры, лежала в стороне, за грудой камней. В местах, откуда он был родом, так обращались с отбросами. Пока каждый из них находил убежище внутри собственного купола, урна находилась под открытым небом. После череды «шалости ветряных духов», общепризнанная ценность была почти утеряна, погребённая под толщей белесой пыли.

Будучи абсолютно убеждённым, что урна странникам больше не нужна, Руди поспешил вернуть себе то, что изначально принадлежало только ему. Когда урна оказалась в его руках, он расплакался, как когда-то плакал маленький, обиженный на весь мир, милый мальчишка Рудольф-младший.

Его душила горькая обида. Урна, в которой покоился прах его любимой, с тех пор, как он перестал за ней следить, утратила прекрасный вид и лишилась уникального декора, за который было уплачено двойную цену. Эксклюзивное изделие выглядело ничуть не краше ржавой консервной банки. Вопреки клятвам, данным друг другу и Альель, странники не дорожили тем, что так грубо отняли у Руди.

Он ошибся. Как только урна оказалась в его руках, Гальягуд гневно приказал оставить её там, где она была ими оставлена.

– Почему?! – недоумевал Руди.

– Это забота Уллиграссора. Он нашёл урну и ему положено быть её хранителем, – ответил Муниард.

– Если это так, то он пренебрегает своим долгом! – кричал Руди.

– Поговори с ним, – сказал Силгур, – он называет себя твоим другом, а это значит, что к твоим словам он должен относиться серьёзно. Как друг, вразуми его.

– Но я могу взять на себя его ответственность! Под моим присмотром урна сохранится в целостности. Только я готов беречь её! Только для меня она важна!

– Ты можешь брать на себя чужую ответственность в другом месте, но только не здесь, – возражал Гальягуд, – ответственность Уллиграссора лежит на его совести, а тебе я советую бережнее относиться к своей совести и не растрачивать её, прикрывая чужие долги.

Понимая, что его голос не имел никакой силы среди странников, Руди решил поговорить с Уллиграссором, дабы убедить того передать ему свою заботу хранить урну. Уллиграссора нигде не было. Он обладал завидным умением исчезать. Чтобы отыскать такого ловкача, требовалось посвятить время на упорные поиски, соглашаясь на игру хитреца. Руди всё ещё оставался слаб. Усталость оказалась сильнее цели. И именно в тот момент, когда Руди смирился и принял данность без борьбы, весёлый Уллиграссор моментально объявился.

Тем временем, Вуррн подошёл к мирно лежащему Мигурноку, и принялся сильно пинать брата, дабы вернуть хитреца из мира неопишимо прекрасных грёз к реальности. Его импульсивное и весьма жестокое поведение не поддавалось никакому пониманию тех, кто безучастно наблюдали за этим со стороны. Ни для кого не было секретом, что Вуррн не раз просил у Мигурнока капли волшебного питья и весьма охотно покидал пределы опостылевшей ему реальности. Но как бы то ни было, настроение Гальягуда воздействовало на него куда сильнее, чем голос собственной совести.

– Оставь его, – вновь оживился Рарон, – он ничего тебе не сделал.

– В том-то всё и дело, – сквозь зубы процедил Вуррн.

– В чём? – спросил Рарон.

– Он ничего не делает! Лежит, словно туша тюленя!

– А что он должен делать?

– Хоть что-нибудь! – рассвирепел Вуррн.

– Так или иначе, хоть что-нибудь он делает. Не гневайся на него за то, что он отыскал путь к блаженству, и не боится наслаждаться тем, что ему удалось обрести.

– Это иллюзия!

– Никому из нас это не мешает. Оставь его.

Вуррн уступил Рарону, но не отказался от противостояния с Мигурноком. Довольствуясь малым, он желал, чтобы суд времени установил, кто же из них прав, и был готов ждать справедливого решения, даже если на это уйдут годы.

Мигурнок, причудливый образ которого вызывал у Руди много вопросов, оставался в покое и в счастливом неведении о том, что ради него впервые вступили в спор его братья. Не вернулся к реальности он и в момент появления Сларгарта, чего не случалось раньше. Понимая это, Рарон сам подошёл к Мигурноку, достал все его снадобья и с разочарованием обнаружил, что необходимого в эту минуту питья осталось в количестве нескольких капель.

Самым ненавистным отрезком пути для Сларгарта была Белая пустошь. Десятки раз она появлялась ниоткуда в тех направлениях, где раньше её никогда не было, и подбрасывала страннику тяжёлые испытания. Небольшая и открытая, словно призрак, Белая пустошь мгновенно возникала на новом месте и так же мгновенно оттуда исчезала. Даже сын Великого Духа мог найти свою смерть под её холодным покровом, ибо Белая пустошь была первым творением Альель.

Ступив на ослепительно белую землю, из которой, при любом шорохе поднимались облака густой пыли, Сларгарт помнил о необходимых девяти тысячах шагов, пройдя которые он окажется в безопасности, у Мглистых холмов, недалеко от места Альель. Напряжение от воспоминаний того, чем мучила его в прошлый раз роковая Белая пустошь, вызывало в нём

желание что есть сил бежать в сторону Мглистых холмов, но он помнил одно из условий перемещения по Белой пустоши: чем стремительнее будет его ход – тем быстрее начнёт действовать новая опасность. Однажды, он совершил ошибку и поддался природному желанию. Тогда угрозу для него представлял он сам. В свирепом противнике он увидел все свои качества. Подвергаясь жестокому нападению, Сларгарт пытался взять контроль над тем, кто представлял его сущность, но противник не поддавался. И только вспомнив о своём уязвимом месте, которое он всячески отрицал до этого момента, после признания единственной собственной слабости, ему удалось вырваться из поединка, сумев выбежать за пределы Белой пустоши. С тех пор Сларгарт не забывал о своей уязвимости, но держал это в тайне от тех, кто на него полагался.

На обратном пути к братьям, Сларгарт потерял бдительность. Белая пустошь встретила его обезоруживающей пустотой. На Сларгарта не набрасывались чудовища, опасные хищники, свирепые враги и даже он сам. Перед ним простиралось пространство тишины, спокойствия и мягкого сияния. Сларгарт не воспринимал всё то, что предстало его взору, как мир и добро. Самая большая опасность скрывается в безоговорочно хороших условиях. Тихо проходя шаг за шагом, Сларгарт озирался по сторонам, будучи в полной готовности жёстко отразить внезапное нападение, но вокруг него ничего не происходило.

Преодолев половину пути, Сларгарт остановился. Сзади доносился скрипучий звук чьих-то неуверенных шагов. Обернувшись, Сларгарт застыл на месте. Впервые за всё время, в Белой пустоши он повстречал женщину. Красивая, с правильными чертами лица и выразительными синими, подобно Гальгийскому айсбергу, глазами, она смотрела на него по-доброму, и, казалось, что в искренности её добродушия не могло быть никаких сомнений. Хрупкая и безоружная, она не могла представлять опасности для одного из сильнейших странников, но Сларгарт решил не поддаваться первому впечатлению, которое всё же его сильно потрясло. Он продолжил путь, сопротивляясь желанию ускориться.

Спустя считанные мгновения они сравнялись. Красивая женщина шла рядом по правую сторону, ничего не говоря. Накопленное напряжение усложняло движения Сларгарта. Скользящий холод напоминал ему о его беспомощности. За бесконечно белой землей не было видно заветных Мглистых холмов. А рядом тихо шла она, и он не понимал, что ей было нужно. Её близость вызвала в нём острое возбуждение разума и неизвестное ему чувство ноющей боли в центре груди.

Сларгарту хотелось смотреть на неё – она ему сразу понравилась и с первого взгляда задела в нём переживания, которые не были в почете среди странников. Ему хотелось обратиться к ней, предлагая свою защиту, и точно так же ему хотелось обратиться к ней, прося её защиты. Противоречивые мысли, словно копья, пронзали его разум и мука, уготованная для него Белой пустошью, обрела свою подлинную силу. Но сын Великого Духа Альель не мог поддаться обворожительной уловке. Не предавая свою цель в угоду собственному желанию, он шёл уверенно и не смотрел в сторону красивой женщины.

Расстояние казалось бесконечным, чего нельзя было сказать о силах Сларгарта. Сын Альель, которого Отец создал великим следопытом и самым выносливым из странников, в пределах Белой пустоши был вынужден справляться и с собственной слабостью. Ему стало больно дышать, больно смотреть, но даже это не могло сравниться с болью, которую вызывал каждый пройденный им шаг. Белая пустошь была безжалостна с теми, кто в ней оказывался, особенно – если это любимые дети Альель.

Красивой женщине было так же тяжело, но она безмолвно продолжала следовать рядом с ним. Её молчание нагнетало в сознании Сларгарта самые разные, чаще всего ужасные мысли. Она ему нравилась, как никто из всех, кого он знал. В нём проснулось особенное отношение к женщине, настолько поразившей его некогда невозмутимый дух. С ужасом, Сларгарт осознал, что в глубине своей души он мечтал выйти из Белой пустоши вместе с ней, чтобы в пределах Лальдируффа, где его сила и возможности были безграничными, он взял её под свою опеку и

разделил с ней свой путь домой. Казалось, что перед ним возникла мечта, о которой он когда-то забыл.

Какими бы светлыми и благородными не были его помыслы, он отчётливо понимал, что в данный момент им овладевают коварные иллюзии. Он пытался обмануть себя в том, что желает избавиться от её присутствия. Мысленно проговаривая: «Исчезни!» бесчисленное количество раз, Сларгарт желал, чтобы она осталась.

За горизонтом показались мглистые горы. Увидев их, Сларгарт ощутил заслуженное облегчение. Но как только до выхода из Белой пустоши осталось семнадцать шагов, он потерял самообладание. Ему казалось, что именно на последнем отрезке пути та, которая смогла очаровать его своей прелестью тогда, сейчас его безжалостно погубит. В порыве гнева и отчаяния, он бросился на красивую женщину, намереваясь её задушить. Она не сопротивлялась. Вокруг всё так же не было никакой опасности. Красивая женщина быстро потеряла силы, которых ей и так не доставало. Страх, растерянность и стыд за свой поступок заставили Сларгарта бежать. Бросив её, он преодолел оставшиеся шаги быстрее ветра. Перед тем, как сделать последний шаг, Сларгарт не выдержал и обернулся. Красивая женщина лежала, похожая на раненого оленёнка, и было неясно – жива она или мертва.

В трёх милях от нового временного пристанища странников располагалось малочисленное селение Гунгов. Подсматривая за ними, чтобы отметить какие-либо перемены, Вугго наблюдал неизменную картину их существования. Подобно паразитам, Гунги разбились на сотни маленьких групп, заселивших всё побережье Лальдируфф. Шустрые, небольшие, но хорошо развитые человечки были признаны великими добытчиками щедрых даров Большой воды, однако их промысел нёс сомнительную пользу. Те самые дары, которыми Большая вода делилась со всем миром, Гунги отдавали за особую, часто непомерную плату. Со временем стало понятно, что никто из народов и племён Лальдируфф не мог позволить себе взаимодействие с Гунгами. Требования Гунгов основывались не на потребности или выгоде – они опирались на большую блажь, размаху которой не было предела.

У странников не было другого выхода – их путь пролегал через прибрежное поселение. Взаимодействие великой цели и мелочной блажи представлялось неизбежным. Прежде странники уже встречались с Гунгами, но даже мудрецы Силгур и Муниард не смогли договориться с безумцами. Позднее выяснилось, что с ними нужно было договариваться любой ценой. Для следующих общин, встреча с которыми являлась неотъемлемой частью пути странников, были жизненно важны ресурсы, которые водились только у великих добытчиков даров Большой воды. Сохраняя безопасную дистанцию, Вугго следил за Гунгами, дабы разузнать, какими способами или уловками можно воздействовать на тех, кто абсолютно ничего не ценят.

Великие добытчики давно позабыли о своём промысле. В стороне от их селения лежали скелеты и гниющие останки больших и маленьких китов. Как истинный охотник, Вугго заметил, что этот убой был бессмысленным. Убитые дети Большой воды просто сгнивали, не принося нуждающемуся человеку хотя бы какой-нибудь пользы.

Гунги постоянно задирали друг друга. Каждый истерично требовал к себе внимания. За всё время, пока Вугго наблюдал за ними, почти каждый из них плакал или бился в страшном припадке. Молодые и старые, сильные и слабые, главные и ничтожные – все одинаково мучились и одинаково мучили друг друга. Вугго больше не мог на это смотреть.

Три мили обратной дороги требовали от него моральных усилий. Вугго был опустошён и готов остановиться, желая упасть навзничь и заплакать, проиграв свой главный бой с отчаянием. Самого грозного и сильного сына Альель окончательно обессилило истощение его подлинного духа.

Пока в остальном мире взращивались и погибали сотни поколений, странники шли и искали своё место. С самого начала их существования, они понимали, что у них есть дом, но

они в нём ни разу не были. Бесконечные поиски для Вугго начали терять свой сакральный смысл. Каждые встреченные племена вызывали в нём чувство ненависти к ним, к Великому Духу и к самому себе. Даже безумные Гунги нашли своё место. Самые ужасные народы имели пристанище. Воодушевляющая вера Вугго в то, что однажды их путь счастливо завершится, была им проклята.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.